

1818–1848

«Угаснув в тридцать лет... она оставила после себя... одну из прекраснейших книг всех времен — “Грозовой Перевал”... Самую красивую и жестокую историю любви... В представлении Эмили <Бронте> любовь была связана не только с ясностью, но и с жестокостью и смертью, так как, наверное, в смерти — истина любви. Так же, как в любви — истина смерти».

Жорж Батай

классика
В
кармане

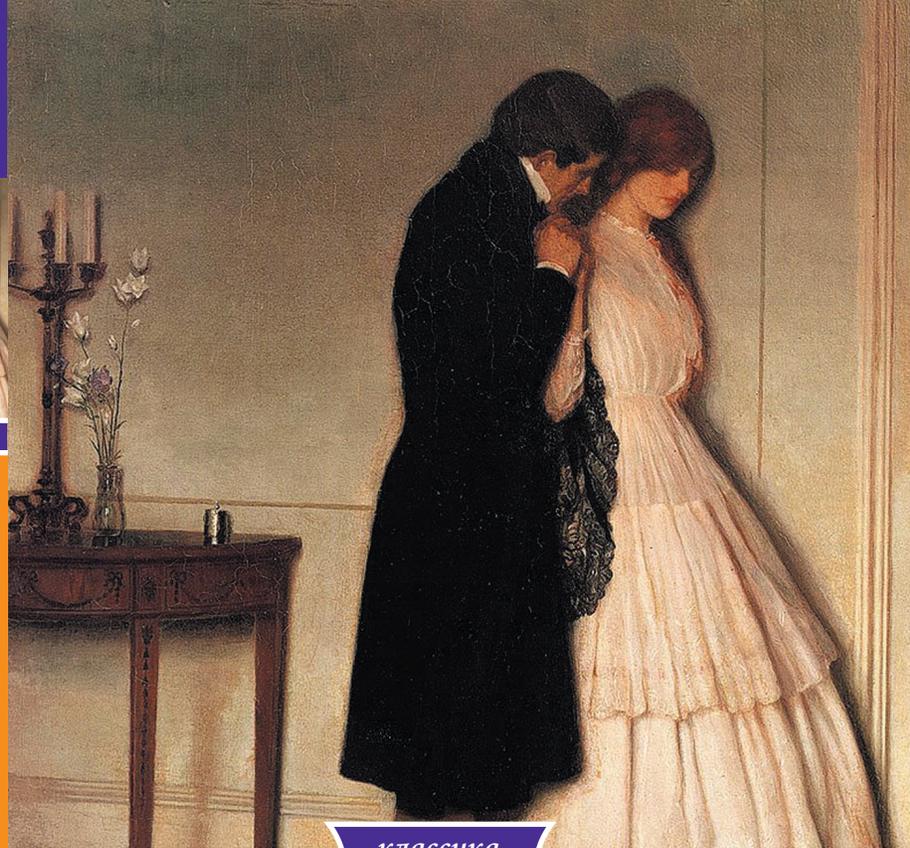
классика в кармане

Э. БРОНТЕ

классика
в кармане

Грозовой Перевал

Э. БРОНТЕ

классика
в кармане

«Это дьявольская книга, невысказанное чудовище, объединившее все самые сильные женские наклонности...».

Данте Габриэль Россетти

«Это очень скверный роман. Это очень хороший роман. Он уродлив. В нем есть красота. Это ужасная, мучительная, сильная и страстная книга».

Уильям Сомерсет Моэм

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

ISBN 978-5-88353-478-1

9 785883 153478 1

ISBN 978-966-14-4002-8

9 789661 440028

Грозовой Перевал

Э. БРОНТЕ

Грозовой Перевал

*классика
в кармане*

Э. БРОНТЕ

Грозовой Перевал

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4)
Б88

Проект Д. Е. Веселова

Перевод с английского:
«Wuthering Heights» by Emily Jane Brontë
Переводчик *Н. С. Рогова*
Вступительная статья *О. М. Петерсон*
Примечания *И. С. Веселовой*

В оформлении обложки использован фрагмент
картины Леонарда Кэмпбелла Тейлора «Убеждение»

Литературно-художественное издание
Серия «Классика в кармане»

БРОНТЕ ЭМИЛИ
Грозовой Перевал

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Я. В. Крутиль*
Дизайнеры-верстальщики *А. Ф. Силова, Т. Ю. Удачина*

Подписано в печать 21.05.2012. Формат 76×100/32.
Усл. печ. л. 17,6. Тираж 5000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23;
e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: cop@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.
Украина, 61045, г. Харьков, ул. О. Яроша, 18

© И. С. Веселова, составление, 2012
© Hemiro Ltd, 2012
© ЗАО «Фирма Бертельсманн
Медиа Москау АО», 2012
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», 2012

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)
ISBN 978-5-88353-478-1 (БММ)
ISBN 978-966-14-4002-8 (КСД)

Ольга Михайловна Петерсон
(Из книги «СЕМЕЙСТВО БРОНТЕ», 1895)

Эмили Бронте: жизнь и роман

В октябре 1847 года в числе литературных новинок сезона появился в Лондоне роман в трех частях, выпущенный издательской фирмой «Smith, Elder & Co», произведший сразу сильное впечатление на английскую публику и успевший разойтись в значительном числе экземпляров прежде, чем появились первые газетные отзывы о нем. Интерес, возбужденный им, был так велик, что, как говорили, даже сам великий Теккерей отложил перо и сидел, углубленный в чтение «Джейн Эйр», — романа, принадлежащего перу неизвестного автора, скрывавшегося под псевдонимом Каррер Белл.

Эта книга разошлась в какие-нибудь три месяца, так что в январе 1848 года потребовалось уже новое издание.

Появление каждого нового литературного имени, получающего успех, всегда возбуждает интерес и просто любопытство. В данном случае успех был громадный, и сопровождавший его интерес и любопытство публики столь же велики.

Стали искать, не попадалось ли где-нибудь раньше имя Каррер Белл, и вскоре была обнаружена книжечка стихотворений, вышедшая за год перед тем и потонувшая было в море забвения, почти никем не замеченная. Книжечка эта представляла собой сборник стихотворений, принадлежавших трем авторам: Каррер, Эллис и Эктон Белл. Открытие это привело публику и прессу в полное недоумение, которое еще возросло, когда в декабре того же 1847 года другая издательская фирма выпустила еще два романа: «Грозовой Перевал», подписанный именем «Эллис Белл», и «Агнес Грей» — именем «Эктон Белл» — произведения столь же оригинальные, но совершенно иного характера.

Сейчас же, не только среди обыкновенных читателей, но и в прессе, возникло множество догадок относительно того, были ли это действительные имена авторов или это лишь при-

своенные ими псевдонимы; а если псевдонимы, то принадлежали ли они трем братьям, или трем сестрам, или же лицам, не состоявшим ни в каких родственных отношениях? Множество народу обращалось с этими вопросами к издателям, но и они сами ничего не знали. А между тем авторы романов, и особенно Каррер Белл, вели деятельную и энергичную переписку со многими известными в то время лицами, но переписка шла через посредство какой-то никому не известной мисс Бронте, бывшей гувернантки, дочери пастора в Хаурте, одном из захолустных местечек Йоркшира. То обстоятельство, что письма адресовались в Йоркшир, никого не удивляло, так как все единодушно были согласны с тем, что авторы, кто бы они ни были, были уроженцы северной, а никак не южной Англии. Ведь ни один южанин не в силах был бы так живо изобразить страстного, могучего, сурового йоркширца, со всеми его доблестями и пороками, и с окружающей его дикой природой. Только спустя значительное время, медленно, и принимаемое лишь с большим сомнением, распространилось наконец убеждение, что три загадочных автора, скрывающихся под именами «Каррер, Эллис и Эктон Белл», были не кто иной, как три дочери пастора, скромные провинциальные гувернантки, никогда в глаза не выдавшие ни одного писателя и не имевшие ни малейшего понятия о Лондоне.

Загадка, казалось, была разрешена, но на деле решение это привело лишь к новым недоразумениям и предположениям. Сама фамилия Бронте приводила в смущение: одно несомненно — фамилия эта не английская. Обратились к истории их отца и убедились, что он был выходец из Ирландии, сын Хью Бронте, простого фермера; но сам Хью Бронте опять-таки явился неведомо откуда и т. д. и т. д. С одной стороны возникло предположение, что в Ирландии фамилия Бронте (Bronte) была не Бронте, а Prunty, с другой же стороны ему стали приписывать иноземное, французское происхождение.

Наконец, оставался открытым вопрос, откуда сестры Бронте почерпнули свой опыт: тонкое знание человеческой природы, со всеми ее хорошими и дурными свойствами, с неукротимой страстью, способной на преступление; где почерпнули они свои радикальные воззрения, свою ненависть к ханжеству, фальши и светской пустоте английского духовенства — черты, поражавшие в дочерях пастора? Наконец, что способствовало развитию

в них такого мощного воображения и что могло сообщить ему его отличительную мрачную окраску? Произведения этих преждевременно унесенных смертью женщин были таковы, что приковывали к себе внимание читателя своим содержанием, заставляли его заинтересовываться и внутренней, душевной жизнью автора, вызывая потребность в их откровенной биографии.

* * *

На железнодорожном пути, проходящем на Лидс и Брэдфорд, в четверти мили от полотна железной дороги расположен город Китли. Он находится в центре шерстяных и суконных фабрик, — промышленности, дающей занятие почти всему населению этой части Йоркшира. Благодаря такому своему положению Китли в начале девятнадцатого столетия из многолюдной богатой деревни быстро превратился в богатый и промышленный город.

В то время, о котором идет речь, то есть в сороковых и пятидесятих годах девятнадцатого столетия, местность эта почти окончательно утратила свой сельский характер. Путешественник, желавший видеть сельский Хауорт, с его пасторальными и безотрадными болотами, заросшими вереском, столь любимыми даровитыми сестрами-писательницами, должен был бы сойти на железнодорожной станции Китли, в какой-нибудь полумиле от этого города, и, пройдя его, свернуть на дорогу в Хауорт, почти до самой деревни не утрачивающей характера городской улицы. Правда, по мере того, как продвигался он по дороге к стоявшим на западе кругловатым пригоркам, каменные дома начинали редеть и появлялись даже виллы, видимо принадлежавшие людям менее занятым в промышленной жизни. Как сам город, так и весь путь от него до Хауорта, производили удручающее впечатление отсутствием зелени и своим общим однообразным сероватым колоритом. Расстояние между городом и селением около четырех миль, и на всем этом протяжении, за исключением лишь упомянутых вилл да нескольких домов фермеров, тянулись целые ряды домов для рабочих шерстяных фабрик. По мере того, как дорога поднимается в гору, почва, сначала довольно плодородная, становится все беднее, производя лишь жалкую растительность в виде тощих кустов, растущих кое-где около домов. Каменные стены всюду занимают место зеленых изгородей,

а на изредка попадающихся клочках доступной обработке земли виднеется какой-то бледный желтовато-зеленый овес.

На горе прямо против путешественника возвышается селение Хаурт; уже мили за две видно оно, расположенное на обрывистом холме. Вдоль линии горизонта тянется все та же извилистая, волнообразная линия холмов, из-за которой местами выдвигаются опять новые холмы того же серого цвета и формы на темном фоне пурпурных торфяных болот. Эта извивающаяся линия производит впечатление чего-то величественного своей кажущейся пустынностью и безлюдностью, а иногда даже удручающего зрителя, чувствующего себя совсем отрезанным от света этой однообразной, неприступной стеной.

Под самым Хауртом дорога сворачивает в сторону, огибая холм, и пересекает ручей, протекающий долиной и служащий двигательной силой для многих расположенных по дороге фабрик, и затем опять круто поворачивает в гору, являясь уже улицей самого селения. Подъем до такой степени крут, что лошади с трудом взбираются наверх, несмотря на то, что каменные плиты, которыми мостилась улица, обыкновенно укладывались острием кверху, чтобы лошади могли удержаться копытом, но тем не менее они, казалось, каждую минуту рисковали скатиться вниз со своим грузом. Старинные, довольно высокие каменные дома возвышались с обеих сторон улицы, сворачивавшей в сторону на самой верхней точке деревни, так что весь подъем производил впечатление отвесной стены.

Эта до крайности крутая деревенская улица выводила на плоскую вершину холма, где возвышалась церковь, а напротив нее — пасторат, к которому вел узенький переулок. По одну сторону его тянулось кладбище, подымаясь круто в гору, со множеством могил и крестов, а по другую сторону стоял дом, где помещалась школа и квартира кистера¹. Под окнами пастората был устроен небольшой цветник, когда-то предмет тщательных забот, хотя в нем росли лишь самые незатейливые и выносливые цветы. За каменной оградой кладбища виднелись кусты бузины и сирени; перед домом расстилалась зеленая лужайка, перерезанная песчаной дорожкой.

¹ Кистер (*нем.* Kuster, *лат.* custos) — смотритель церковных зданий, часто совмещавший свою должность с должностью школьного учителя. (*Примеч. ред.*)

ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ

ГЛАВА 1

Год 1801. — Только что я вернулся от своего хозяина. Он — единственный мой сосед, который может нарушить мое одиночество. Какое тут восхитительное место! Где еще в Англии найдешь уголок, столь далекий от светской суеты — настоящий рай для мизантропа! А мы с мистером Хитклифом — прекрасная пара, чтобы разделить между собой все прелести уединения. Чудесный человек! Он и представить себе не мог, что я сразу же почувствовал к нему симпатию. Ведь его черные глаза метнули в меня из-под темных бровей подозрительный взгляд, и рука решительно спряталась за отворот сюртука, когда я представился.

— Мистер Хитклиф? — спросил я.

Ответом мне был кивок.

— Позвольте представиться, я — мистер Локвуд, ваш новый жилец. Почел за честь поспешить к вам с визитом сразу по прибытии. Надеюсь, что не причинил вам неудобств своим настойчивым желанием поселиться в усадьбе «Скворцы». Вчера я услышал, что у вас были другие планы...

— Усадьба «Скворцы» — моя собственность, сэр, — прервал он меня, неодобрительно морщась. — Неудобств я бы не потерпел ни от кого, уж можете быть в этом уверены. Впрочем — заходите!

Свое «заходите» он произнес сквозь стиснутые зубы, как будто бы хотел сказать «Убирайтесь к черту!», а ворота, на которые он опирался, не отворились по его слову. Только особые обстоятельства заставили меня принять столь негостеприимное приглашение: меня крайне заинте-

ресовал человек, еще менее расположенный к общению, чем я сам.

Увидев, что мой конь грудью пошел на ворота, он все же размотал закрывающую их цепь и пошел впереди меня по мощеной дорожке, небрежно бросив в пространство, когда мы оказались во дворе: «Джозеф, прими лошадь у мистера Локвуда. И вина принеси...»

«Видимо, слуга в доме только один, — подумалось мне в ответ на столь пространное приказание. — Не удивительно, что между каменными плитами двора растет трава, а живую изгородь явно стрижет только один садовник — скот».

Джозеф оказался пожилым, нет, я бы даже сказал, очень старым человеком, но здоровым и жилистым. «Господи, помоги!» — неодобрительно пробормотал он, принимая поводья и помогая мне спешиться. При этом он посмотрел мне в лицо с таким кислым видом, словно божья помощь нужна была старику, дабы переварить недавний обед, а не чтобы отвратить незваного гостя.

Жилище мистера Хитклифа носит название «Грозовой Перевал». «Грозовой» — словечко местное и как нельзя лучше передает капризы ненастной погоды, хозяйничающей на этих холмах. Сейчас здесь дышалось привольно, но по наклону чахлых елей, растущих у дома, и по тому, как тянулся к солнцу тощий терновник, словно нищий, выпрашивающий милостыню, можно было только догадываться, как сильно задувает временами из-за края утеса северный ветер. К счастью, архитектор учел здешние условия, утопив узкие окна в стену и защитив выступы углов мощной каменной кладкой.

Перед тем как переступить порог, я замешкался, восхитившись причудливо украшенным фасадом. Особенно пышно выглядел главный вход, над которым меж осypающих грифонов и нескромных амурчиков я увидел дату «1500» и имя «Гэртон Эрншо». В любом другом случае я бы не преминул выказать вежливый интерес и попросить своего угрюмого хозяина поделиться со мной краткой историей прежних владельцев, но нетерпеливая поза, в которой он замер у дверей, лучше всяких слов сказала мне,

что либо я тотчас переступлю порог, либо должен буду немедленно покинуть сии негостеприимные владения и никогда не проникну в святая святых этого дома.

Поднявшись на одну ступеньку, мы сразу оказались в общей комнате, потому что в доме не было ни коридора, ни прихожей. Местные называют такую комнату *залой*. Обычно *зала* объединяет гостиную и кухню, но в Грозовом Перевале кухню, похоже, перенесли в заднюю часть дома. По крайней мере, до слуха моего донесся приглушенный расстоянием разговор и стук кухонной утвари. В огромном камине, находившемся в *зале*, не было никаких следов того, что здесь недавно жарили, варили или пекли; стены не украшали ни начищенные медные сковородки, ни отдраенные жестяные сита. Впрочем, в одном углу ярким светом сияли ряды огромных оловянных блюд, серебряных кувшинов и кружек, возвышавшихся в огромном дубовом буфете и дальше на полках по стене до самой крыши. Крыша открывала пытливому взору всю свою неприглядную изнанку, кроме тех мест, где стропила и балки несли на себе запас овсяных лепешек¹, а также связок говяжьих, бараньих и свиных окороков. Над камином были развешены давно не чищенные старые ружья и пара седельных пистолетов. Картину дополняли пестрые жестяные чайницы на каминной полке. Пол был выложен белыми ровными каменными плитами. На нем крепко стояли грубые стулья с высокими спинками, выкрашенные в зеленый цвет, а в тени притаилась пара темных тяжелых кресел. В нише под буфетом возлежала крупная сука пойтера красно-пегого окраса с выводком повизгивающих щенят. Другие собаки притаились по углам и в укромных местах *залы*.

И дом, и мебель лучше всего подошли бы домовитому фермеру из северных графств — молодцу с упрямым ли-

¹ Традиционные овсяные лепешки в Северной Англии и Шотландии готовились про запас. Лепешки пекли достаточно большого размера, но раскатывали очень тонко. Полусырыми их развешивали, как белье, на специальных шестах или всех подходящих приспособлениях для сушки.

цом, в штанах до колен и с крепкими икрами, обтянутыми гетрами. Зайдите в любой дом в пяти-шести милях вокруг, и вы увидите такого местного жителя в кресле у круглого столика, украшенного пенной кружкой эля, если сподобитесь застать хозяина дома после обеда. Однако же облик мистера Хитклифа являл резкий контраст окружающим его предметам обихода. Скажем так, что по виду он — настоящий цыган, смуглый и темноликий, а по одежде и манерам — джентльмен, если можно назвать джентльменом иного сельского сквайра. Одет он небрежно, но не выглядит затрапезно, потому что одежда эта облегает осанистую и стройную фигуру. И еще одно бросается в глаза: он мрачен. Кое-кто мог бы заподозрить его в нелепой гордыне, свойственной выскочкам, но он не таков — я уверен в этом, потому что чувствую в нем родственную душу. Мне кажется, его сдержанность идет от нежелания показывать любые свои чувства, даже взаимную и разделенную привязанность. Он будет и любить, и ненавидеть тайно, он сочтет непростительной дерзостью открытое проявление этих чувств по отношению к себе. Нет, нет, здесь я должен остановиться. Слишком много своих черт я приписываю этому человеку. У мистера Хитклифа могут быть собственные резоны не подавать руки тем, кто слишком навязчиво желал бы с ним познакомиться. Мой же склад характера, я надеюсь, неповторим: не зря моя бедная матушка частенько говаривала, что никогда мне не создать уютного семейного очага. Не далее как этим летом я доказал, что она была права.

Я наслаждался месяцем прекрасной погоды на одном из морских курортов, где мне повстречалась необыкновенно привлекательная юная леди: в моих глазах она была просто богиней до тех пор, пока не обращала на меня внимания. «Любовь моя была нема», но если б глаза мои могли говорить, любой человек отнюдь не семи пядей во лбу понял бы, что я влюблен в милую девушку по уши. И вот наконец, когда она решила, что разгадала мои чувства и принялась бросать мне в ответ самые нежные взгляды, что же сделал ваш покорный слуга? Со стыдом признаюсь, что я спрятался в свою скорлупу, как улитка, становясь все

холоднее и отдаляясь от предмета своих вздыханий все дальше до тех пор, пока бедняжка не усомнилась в том, правильно ли она поняла меня, и, сгорая со стыда от возможной ошибки, убедила свою мать немедленно покинуть курорт. Из-за такого странного охлаждения чувств я стяжал репутацию бессердечного и расчетливого человека, и только сам я мог судить, насколько она была мною не заслужена.

Я сел у очага с противоположной стороны от хозяина и попытался заполнить повисшее между нами молчание, приласкав мать собачьего семейства, которая по-волчьи подкрадывалась ко мне сзади. Собака щерилась и готова была впиться мне в ногу своими белыми зубами. На мою ласку она ответила долгим, низким ворчанием.

— Лучше б вы ее не трогали, — в унисон своей псине проворчал мистер Хитклиф, предотвратив ее более опасные действия крепким пинком. — Нечего ее портить. Это вам не комнатная собачка. — Он шагнул к боковой двери и вновь прокричал: «Джозеф!»

Джозеф пробормотал что-то невнятное из глубин погребя, но так и не явился на зов, заставив своего хозяина спуститься к нему. Я остался с глазу на глаз со злобной сукой и парой кудлатых свирепых овчарок, которые ревностно следили за любым моим движением. Мне совсем не хотелось испытать на себе остроту их клыков, поэтому я сидел тихо. Потом, на свою беду решив, что звери не поймут бессловесных насмешек, я принялся подмигивать грозной троице и страшно гримасничать. Одна из моих ужимок настолько взбесила мадам Пойнтершу, что она с яростью кинулась на меня, вознамерившись цапнуть за колено. Я отбросил негодницу и попытался защититься столом. От этих действий затаившаяся свора пришла в движение: полдюжины четвероногих дьяволов всех размеров и возрастов выскочили из своих укрытий и объединились против меня. Особенно привлекательными казались им мои пятки и полы сюртука. Защищаясь по мере сил кочергой от самых крупных противников, я принужден был громко воззвать к обитателям дома, чтобы восстановить мир.

Мистер Хитклиф и его слуга поднимались по лестнице из погреба с огорчительной неспешностью: ни на секунду не убыстрили они свои движения, несмотря на настоящее побоище, разыгравшееся у очага, сопровождавшееся визгом и прыжками своры. К счастью, спасение пришло из кухни. Ядреная бабенка с подоткнутым подолом, засученными рукавами и щеками, горящими от жара кухонного очага, смело ворвалась в самую гущу драки и, размахивая раскаленной сковородкой и ругаясь на чем свет стоит, чудесным образом успокоила разразившуюся бурю. Поле битвы осталось за отважной кухаркой, и только грудь ее вздымалась, подобно морю после шторма, когда наконец-то появился хозяин.

— Что, черт побери, здесь происходит? — спросил он, сверля меня взглядом, который я с трудом мог выносить после столь негостеприимного приема.

— И вы еще, черт побери, спрашиваете?! — взорвался я. — Да в одержимых дьяволом евангельских свиньях¹ злонаравия наверняка было меньше, чем в ваших чудовищах, сэръ. С таким же успехом вы могли бросить своего гостя на растерзание тиграм.

— Не трогайте их, и они вас не тронут, — спокойно отвечал Хитклиф, восстанавливая порядок на столе и ставя передо мной бутылку вина. — Собаки *должны* охранять, на то они и собаки. Выпейте-ка лучше вина.

— Нет, благодарю вас.

— Не покусали вас?

— Если б покусали, я бы хорошенько проучил их. Пусть только сунутся... — Хитклиф неожиданно усмехнулся в ответ на мои слова.

— Да успокойтесь вы, мистер Локвуд, а то сейчас закипите. Подкрепитесь вином, я настаиваю. Гости в этом доме —

¹ В Евангелии от Матфея описывается эпизод изгнания Иисусом Христом бесов из двух бесноватых. Изгоняемые бесы попросили у Иисуса разрешения переселиться в стадо свиней, пасшихся рядом. «И Он сказал им: идите. И они, выйдя, пошли в стадо свиное. И вот все стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде». (Мф. 8:32)

такая редкость, что ни я, ни мои драгоценные собачки не знают, как их положено принимать. Ваше здоровье, сэръ!

«И ваше!» — поклонился я в ответ, понимая, что было бы глупо продолжать дуться из-за недостойного поведения неразумных животных. Кроме того, мне не хотелось давать моему хозяину повод продолжать веселиться за мой счет, раз уж на него напал такой стих. Он, — видимо решив, что негоже обижать выгодного жильца, — заговорил полюбезнее и не так отрывисто, как раньше, перейдя к теме, которая, как он считал, меня заинтересует, и начал вполне здраво рассуждать о хороших и дурных сторонах места моего нынешнего уединения. Разговор он вел вполне разумно, и перед тем, как откланяться, я отважился упомянуть о моем возможном завтрашнем визите. По всему чувствовалось, что Хитклиф не в восторге от этой перспективы. Но я твердо решил: обязательно завтра приду. Удивительно, но по сравнению с этим мрачным типом я сам себе кажусь общительным и дружелюбным.

ГЛАВА 2

На следующий день к полудню стало холодно и опустился туман. Я уже почти решил провести остаток дня у камина в кабинете, вместо того, чтобы тащиться по грязным вересковым пустошам на Грозовой Перевал. Но после обеда (а обедаю я здесь между полуднем и часом дня. Моя экономка — почтенная женщина, доставшаяся мне вместе с домом, — не поняла или не захотела понять мою просьбу подавать обед в пять¹), когда я поднимался по лестнице с намерением предаться послеобеденной лени, в моей комнате обнаружилась служанка, стоявшая на коленях в окру-

¹ До XVII в. в Англии было принято называть полуденный прием пищи, обед — dinner, позже это слово в высших слоях общества стало применяться к более позднему приему пищи или к праздничному застолью. Локвуд не уверен, то ли йоркширская экономка не поняла столичного словоупотребления, то ли не стала менять привычного распорядка.

жении щеток и ведерок для угля. Девчонка подняла невообразимую пыль, вывалив в камин тлеющие угли. Это зрелище тотчас заставило меня покинуть кабинет. Я взял шляпу и после четырехмильной прогулки оказался у ворот в сад Хитклифа как раз в тот момент, когда с неба начали падать первые пушистые хлопья снега.

Землю на этой продуваемой всеми ветрами вершине холма сковал гололед, а воздух был так холоден, что я задрожал всем телом. Не в силах справиться с цепью на воротах, я перемахнул через них и взбежал вверх к дому по мощенной плитами дорожке между неряшливыми кустами крыжовника. Я тщетно стучал в дверь до тех пор, пока у меня не заболели костяшки пальцев, а собаки внутри не подняли вой.

«Будь проклят этот дом со всеми обитателями! — мысленно выругался я. — В одиночную камеру такую грубую деревенщину надо отправлять. Я бы ни за что не стал держать днем дверь на запоре. Раз они так со мной, то теперь уж я обязательно войду!» Приободрившись от этой мысли, я с новыми силами затряс дверной засов. Из круглого окна амбара показалась кислая физиономия Джозефа.

— Чего вам надобно? Чего стучите? — заорал он. — Тут хозяина нетути. В овчарне он, где ж ему еще быть. Ступайте вкруг амбара, ежели поговорить с ним хотите.

— А что, в доме нет никого, чтобы мне дверь открыть? — в тон ему прокричал я.

— В доме ни души, окромя миссис. А уж она-то вам не откроет, хоть до ночи колотитесь.

— Это почему же? Не мог бы ты доложить ей обо мне, Джозеф?

— Не-а. Я с ней дел не имею, — и голова Джозефа исчезла.

Снег теперь уже валил густыми хлопьями. Я уцепился за дверную ручку, чтобы предпринять еще одну отчаянную попытку, когда во дворе позади меня появился парень без верхней одежды, но с вилами на плече. Он махнул рукой, чтобы я следовал за ним. Мы прошли через прачечную, миновали мощный участок двора с угольным сараем, колодцем и голубятней и наконец вошли в теплую и уютную

залу, где меня принимали вчера. Ее освещал огонь, ярко пылавший в очаге и питаемый углем, торфом и дровами. А рядом со столом, накрытым для обильной вечерней трапезы, сидела та, кого Джозеф назвал «миссис» и о чьем существовании я раньше и не подозревал. Я поклонился, радуясь новому знакомству, и замер, ожидая, когда мне предложат сесть. Она смотрела на меня в упор, откинувшись в кресле и не произнося ни слова.

— Плохая погода нынче, — попробовал я завязать беседу. — Боюсь, миссис Хитклиф, от небрежения ваших слуг дверь немного пострадала. Мне пришлось потрудиться, чтобы быть услышанным.

Ответа не последовало. Я уставился на нее — она на меня. Она глядела холодно и без всякого интереса, но от этого неподвижного взгляда мне стало не по себе.

— Садитесь, — буркнул приведший меня парень. — Хозяин скоро будет.

Я подчинился, потом откашлялся и поздравил злодейку пойнтершу Юнону. При нашей второй встрече она даже соизволила пошевелить самым кончиком хвоста, признавая во мне знакомого.

— Красивая собака! — вновь попытался я завязать разговор. — Собираетесь ли продавать щенков, мадам?

— Они не мои, — отвечала хозяйка таким недружелюбным тоном, каким заговорил бы сам Хитклиф.

— Ну, тогда ваши любимцы здесь? — продолжал я, показывая на подстилку в темном углу, где, как мне показалось, лежали котята.

— Станный выбор любимцев! — был мне презрительный ответ.

Приглядевшись, я понял, что сморозил глупость, потому что в углу были навалены битые кролики. Еще раз откашлявшись, я подвинулся поближе к очагу и вновь повторил свое замечание о плохой погоде этим вечером.

— Так сидели бы дома, — отвечала миссис Хитклиф, вставая и пытаясь дотянуться до двух ярких чайниц на каминной полке высоко над очагом.

Теперь она оказалась на свету, и я смог лучше рассмотреть ее лицо и фигуру. Она была стройной и совсем юной,

Содержание

<i>О. М. Петерсон. Эмили Бронте: жизнь и роман</i>	3
Грозовой Перевал	23